

1. Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1977.
2. Блок А. Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1980.
3. Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912.
4. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.
5. Ильина Н. Дороги и судьбы. М., 1985.
6. История русской советской литературы / Под ред. Выходцева П. С. М., 1979.
7. Мандельштам О. Слово о культуре. М., 1987.
8. Недоброво Н. Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. Кн. 7.
9. Новый мир. 1966. № 3.
10. Найман Ан. Рассказы о Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. № 1.
11. Павловский А. Поэты-современники. М.; Л., 1966.
12. ЦГАЛИ, ф 13, оп. 1, ед. хр. 99.

Статья поступила в редколлегию 29.08.89

П. К. С е р б и н, проф.,
Житомирский пединститут

Функции пейзажа в лирике Анны Ахматовой

Вопрос о функциях пейзажа в лирике А. Ахматовой почти не изучен. В исследованиях старейших советских филологов В. Виноградова [4], В. Жирмунского [7], Б. Эйхенбаума [16] этот вопрос специально не рассматривался. Лишь отдельные замечания об изображении природы в поэзии А. Ахматовой встречаются в книгах В. Жирмунского [7], А. Павловского [11], Е. Добиная [6], В. Виленкина [3], а также в статьях Н. Грыкаловой [5], А. Урбана, Л. Озерова [9] и др. О недостаточном внимании критиков к этой стороне творчества А. Ахматовой писал А. Урбан: «И поражаешься, с какой последовательностью у критиков переходят из статьи в статью, из книги в книгу одни и те же детали («Я на правую руку надела перчатку с левой руки», «На шее мелких четок ряд, в широкой муфте руки прячу»), и при этом остается не услышанной, неувиденной и не оцененной природа в лирике большого поэта» [14, с. 258].

Пейзаж в поэзии А. Ахматовой (и, в частности, в ее любовной лирике) играет значительную роль, хотя чисто пейзажных стихотворений у нее немного. Зарисовки природы способствуют выражению чувств и настроений лирической героини. Как и предметы, в стихотворениях А. Ахматовой явления природы изображены точно, зримо, ясно (что соответствует акмеистическому принципу «прекрасной ясности»). Пейзажным в полном смысле слова можно назвать стихотворение «Жарко веет ветер душный...». Кроме двух последних строчек: «Кто сегодня мне приснился // В пестрой сетке гамака?» [1, т. 1, с. 32] — все стихотворение представляет собой описание ясного, погожего летнего дня. Оно проникнуто легкостью, свободой, чувством избавления от какой-то тяжести, ожиданием чего-то светлого, нового. «Жизнь по-новому легка» — это ощущение, вызванное какими-то событиями личной жизни, усиливается созерцанием окружающей природы. Теплый ветер, яркое солнце, чистый синий свод небес, неподвижный серебристый пруд гармонируют с на-

строением лирической героини. Радостное чувство ожидания скорой встречи окрашивает восприятие природы в стихотворении «Бессмертник сух и розов. Облака...»:

О самом нежном, о всегда чудесном
Со мной сегодня птицы говорят.
Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней
[1, т. 1, с. 97—98].

Иное настроение выражено в стихотворении, которое начинается словами: «Я пришла сюда, бездельница, // Все равно мне, где скучать!» [1, т. 1, с. 35]. Такому душевному состоянию соответствует окружающая природа. Дремлет (бездействует, молчит) мельница: свежая недавно повилика уже засохла. Русалка, ранее игравшая, теперь умерла. «Затянулся ржавой тинью // Пруд широкий, обмелел». В таком мрачном освещении видится теперь хорошо знакомая природа («Замечаю все как новое»), А рядом остается то, чему пока не вышел срок, что еще продолжает жить: «Над трепещущей осиною // Легкий месяц заблестел», «Влажно пахнут тополя» [1, т. 1, с. 35]. Все со временем уйдет в прошлое. Так вскоре уйдет и собственная жизнь: «Я молчу, Молчу, готовая // Снова стать тобой, земля» [1, т. 1, с. 35]. Такого рода параллелизм — угасание природы и угасание чувств — можно наблюдать и в стихотворении «Память о солнце в сердце слабеет...» [1, т. 1, с. 26].

У А. Ахматовой, как уже говорилось, немного стихотворений, целиком посвященных изображению природы. Чаще всего пейзажные зарисовки составляют фон, на котором происходит действие. Картины природы возникают перед глазами лирической героини и закрепляются в ее памяти во время самых драматичных событий и острых переживаний. Женщина услышала, что ее оставляет любимый, но ее внимание привлекло то, что оказалось в этот момент перед глазами: «Высоко в небе облачко серело, // Как беличья расстеленная шкурка» [1, т. 1, с. 26]. Когда происходила последняя встреча на набережной, героиня «запомнила высокий царский дом и Петропавловскую крепость». Сохранилось в памяти и то, что «была в Неве высокая вода», «что воздух был совсем не наш, // А как подарок божий — так чудесен» [1, т. 1, с. 54]. Лирическая героиня целиком охвачена мыслями о своей «горькой и хмельной» любви, о любовных муках («Как соломинкой пьешь мою душу», «Я пытку мольбой не нарушу»). А в это время ее взгляд фиксирует первое, что попало на глаза: «На кустах зацветает крыжовник, // И везут кирпичи за оградой» [1, т. 1, с. 29]. У женщины свои заботы, свои переживания, а вокруг идет жизнь, цветет кустарник, делается работа.

Явления природы (как и окружающие предметы) в стихотворениях А. Ахматовой нередко воспринимаются как собеседники лирической героини. В одних случаях они сочувствуют ей, в других — оказываются безучастными. В «Песне последней

встречи» «шепот осенний попросил: «Со мною умри!» По-иному «реагирует» дом, где происходила последняя встреча: «Только в спальне горели свечи // Равнодушно-желтым огнем» [1, т. 1, с. 28], Не остается безучастной природа при известии о смерти Сероглазого короля: «А за окном шелестят тополя: // Нет на земле твоего короля...» [1, т. 1, с. 42]. В самые драматические моменты душевной жизни лирическая героиня чувствует свою связь с окружающими предметами. Природа «не дает несчастью поглотить человека. Она как будто предлагает себя взамен... как бы смягчает горечь безотрадного чувства» [14, с. 257].

В нескольких стихотворениях А. Ахматовой встречаются предметы сельского пейзажа и деревенского быта: «Все сильнее запах спелой ржи» [1, т. 1, с. 59], «Журавль у ветхого колодца», «в полях скрипучие воротца» [1, т. 1, с. 63]. «Этой мельницы замшелой // Тяжко машущей руки» [1, т. 1, с. 103], «Шуршат в овраге лопухи, // И никнет гроздь рябины желто-красной» [1, т. 1, с. 62] и т. д. На характере изображения природы сказалось пребывание А. Ахматовой в с. Слепневе Тверской губернии, в имении своей свекрови А. И. Гумилевой. «Течет река неспешно по долине» [1, т. 1, с. 134], так начинается одно из стихотворений, написанных А. Ахматовой в Слепневе. Неспешное течение реки соответствует спокойной усадебной жизни / «А мы живем как при Екатерине: // Молебны служим, урожая ждем» [1, т. 1, с. 134]. и настроению лирической героини, покинувшей городской шум и суету.

В поэзии А. Ахматовой, в частности в пейзажных зарисовках, критики усматривают влияние Н. Некрасова. Говоря о некрасовских традициях, Н. Грякалова пишет: «Своеобразно отразились они и в лирике Ахматовой, особенно в манере описания сельского пейзажа. Свои пейзажные зарисовки Ахматова насыщает приметам деревенского быта» [5, с. 51]. При воспоминании о «тверской скудной земле» ей приходят на память «осуждающие взоры *спокойных загорелых баб*» [1, т. 1, с. 63]. Крестьянские женщины, постоянно работающие в поле, *спокойны* в отличие от «усадебной барыни» с ее душевными муками и переживаниями. Позже А. Ахматова напишет о пребывании в деревне: «Так случилось: заточенье стало родиной второю», [1, т. 1, с. 104]. С чувством зависти вспоминает поэтесса простую, естественную жизнь в селе: «Ведь где-то есть простая жизнь и свет // Прозрачный, теплый и веселый... // Там с девушкой через забор сосед // Под вечер говорит, и слышат только пчелы // Нежнейшую из всех бесед» [1, т. 1, с. 92]. Порой лирической героине хочется уподобиться простой крестьянке с ее радостями и заботами: «Лучше б мне частушки задорно выкликать, // А тебе на хриплой гармонике играть... // Лучше б мне ребеночка твоего качать, // А тебе полтинник в сутки вырывать» [1, т. 1, с. 120—121].

Русская природа, народная жизнь, фольклорные традиции — это те истоки, которые питали патриотизм А. Ахматовой. Осо-

бое место в ее жизни и творчестве занимали Петербург и Царское Село — бесценные памятники русской истории и русской культуры. «Изысканная петербуржанка» (как называла Ахматову М. Шагинян [11, с. 84]) достойно воспела свой «пышный гранитный город славы и беды» [1, т. 1, с. 92]. С особым чувством любви писала А. Ахматова о Царском Селе, где началось ее творчество. «Царскосельский воздух был создан, чтобы песни повторять» [1, т. 1, с. 215], — напишет она позже. Не случайно М. Цветаева назвала А. Ахматову царскосельской Музой [см.: 15, с. 104]. С Царским Селом связаны многие годы жизни А. Ахматовой. Там прошло ее детство, и потом, после пятилетнего перерыва, поэтесса жила там в доме своего мужа Н. С. Гумилева (1910—1916). И позже ей приходилось не раз бывать в Царском Селе. «Каждый из царскосельских периодов ее жизни так или иначе отразился в ее стихах, независимо от того, был ли он длительным или кратким» [3, с. 181].

В первой книге А. Ахматовой «Вечер» (1912) был помещен небольшой цикл из трех стихотворений — «В Царском Селе». Третье стихотворение этого цикла «Смуглый отрок бродил по аллеям...» [1, т. 1, с. 24] посвящено Пушкину-лицеисту. Воссоздавая детали царскосельского парка, А. Ахматова сумела с предельным лаконизмом сказать многое о юном поэте. Пушкин бродил по аллеям, то есть ходил не спеша, видимо, погруженный в свои мысли. «*Еле слышный шелест шагов*» говорит о том, что аллеи усыпаны опавшими сухими листьями. Речь идет, таким образом, об осени — любимой поре Пушкина. Строка: «У озерных грустил берегов» — первоначально была записана в таком виде: «У озерных глухих берегов» [3, с. 120—121]. Слово «грустил» вносит в содержание стихотворения новый оттенок, помогая почувствовать настроение юного поэта, поглощенного своими думами, творческими замыслами («Заветным умыслом томим» [13, т. 2, с. 195], — скажет Пушкин в 1824 году). В нескольких стихотворениях Пушкина, написанных уже после окончания лицея, встречаются грустные элегические мотивы, навеянные созерцанием моря. Настроение элегической грусти вызывает у Пушкина-лицеиста и вид с берегов царскосельского озера. А. Ахматова, хорошо знакомая с жизнью любимого поэта, ясно представляет себе его грустящим в парке, где он любил сидеть, какими книгами увлекался («Растрепанный том Парни»).

С Царским Селом и воспоминаниями о Пушкине связано стихотворение «Царскосельская статуя». Для Ахматовой царскосельская статуя дорогá прежде всего тем, что о ней писал Пушкин. «Я чувствовала смутный страх // Пред этой девушкой воспетой» [1, т. 1, с. 96]. Поэтесса имела в виду широко известное стихотворение А. С. Пушкина «Царскосельская статуя»:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила,
Дева печально сидит, праздный держа черепок,
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой:
Дева над вечной струей вечно печальна сидит

[13, т. 3, с. 180].

Надо было обладать большой творческой смелостью, чтобы написать о том, о чем уже написал Пушкин, и тем более дать стихотворению такой же заголовок, как и у Пушкина. У А. Ахматовой девушка, созданная скульптором, «ослепительно стройна», «играли на ее плечах лучи скудеющего света» [1, т. 1, с. 96]. Особенно интересны в стихотворении А. Ахматовой оксюмороны: «Смотри, ей весело грустить // Такой нарядно обнаженной» [1, т. 1, с. 96].

Не ограничиваясь описанием статуи, А. Ахматова рисует картину осени в царскосельском парке:

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины [1, т. 1, с. 95].

Одним из образцов так называемого паркового пейзажа является стихотворение «Все мне видится Павловск холмистый...». А. Ахматова, как и всегда, создает здесь предельно лаконичные, четкие, как на гравюре, зарисовки павловского парка поздней осенью. Это «круглый луг, неживая вода», «в белом инее черные елки на подтаявшем снеге стоят», ветер «свежий и колкий». Всплывают в памяти и чугунные ворота парка и медный Кифаред; воспоминания о прошлом пробуждают прежние чувства:

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос, как песня, звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит [1, т. 1, с. 96].

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь [1, т. 1, с. 96].

Вспоминая парки девяностых годов, А. Ахматова соотносит описываемое с пушкинской эпохой: «В тени елизаветинских боскетов // Гуляют пушкинских красавиц внучки» [1, т. 1, с. 171]. Это строчка из отрывка «В парке (Девяностые годы)», напечатанного в 1946 г. в первом номере журнала «Звезда». Публикация этих стихов, а также «Отрывков из поэмы «Русский Трианон», появившихся тогда же в журнале «Ленинград», послужила, как известно, поводом для суровых и несправедливых обвинений А. Ахматовой в безыдейности, аполитичности и тому подобных «грехах».

Наряду с «усадебными» и «парковыми» пейзажами немалое место в поэзии А. Ахматовой занимают пейзажи Петербурга. «Петербург я начинаю помнить очень рано — в девяностых годах, — вспоминала А. Ахматова. — Это в сущности Петербург Достоевского. Это Петербург дотрамвайный, лошадиный, конечный, грохочущий и скрежещущий, лодочный, завешанный с ног до головы вывесками, которые безжалостно скрывали архитектуру домов» [1, т. 2, с. 248]. Однако поэтесса старается увидеть именно то, что скрыто за «безжалостными» вывесками.

А. Ахматова писала, что она примерно с середины двадцатых годов «начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой Петербурга» [1, т. 2, с. 238]. В стихотворениях А. Ахматовой нет развернутых пейзажей Петербурга: мы не найдем у нее описаний, которые были бы рассчитаны на тех, кто не знает Петербурга. Упомянув (а не описывая) хорошо знакомые всем памятники столицы, А. Ахматова всегда передает определенное настроение: «Вновь Исакий в облаченье из литого серебра» [1, т. 1, с. 72], «Белее сводов Смольного собора, // Таинственней, чем пышный Летний сад» [1, т. 1, с. 101], «Но ни на что не променяем пышный // Гранитный город славы и беды» [1, т. 1, с. 92]. «О, это был прохладный день // В чудесном городе Петровом» [1, т. 1, с. 82].

Стихи А. Ахматовой о Петербурге вызывают в памяти урбанистические произведения ее современников-поэтов, прежде всего В. Брюсова и А. Блока. У Брюсова шумный современный город — «дракон», «коварный змей» — шлет людям Злобу, Нищету, Разврат, Нужду, тем самым готовя гибель для самого себя / «Ты нож с своим смертельным ядом сам подымаешь над собой» [2, с. 307]. Петербург А. Блока — это «страшный мир», полный острейших противоречий, и вместе с тем это город, полный бунтарской революционной энергии, город людей, поднимающихся из тьмы погребов «на штурм старого мира» [10, с. 7].

Ахматова, в отличие от В. Брюсова и А. Блока, подчеркивает величие и красоту Петербурга, следуя традиции Пушкина, воспевшего в бессмертных строках величественное «Петра творенье».

Городские пейзажи в большинстве дооктябрьских стихотворений А. Ахматовой связаны с ее личными чувствами и переживаниями. Любимый город напоминает ей «душевный жар, молений звуки и первой песни благодать» [1, т. 1, с. 175].

Вульгарные рапповские критики рассматривали стихотворения А. Ахматовой о Петербурге и о Царском Селе как тоску «вырождающихся потомков» [8, с. 281] дворянства по умирающей дворянской культуре. Время показало несостоятельность таких суждений. В октябре 1988 г. Политбюро ЦК КПСС отменило как ошибочное постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946), где А. Ахматова подвергалась «необоснованной, грубой проработке» [см.: 12].

В стихотворениях А. Ахматовой о Петербурге и о Царском Селе звучит гордость за отечественную историю и национальную культуру.

1. Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. М., 1936. 2. Брюсов В. Я. Стихотворения и поэмы Л., 1961. 3. Виленкин В. Я. В сто лет величаво. М., 1987. 4. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. 5. Грякалова Н. Фольклорные традиции в поэзии Анны Ахматовой // Рус. лит. 1982. № 1. 6. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л., 1931. 7. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. 8. Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 1. 9. Озеров Л. А. А. А. Ахматова // История русской советской литературы. М.,

1971. Т. 4. 10. Орлов В. Н. Город Блока // Блок А. А. Город мой. Стихи о Петербурге. Л., 1957. 11. Павловский А. И. Анна Ахматова. Л., 1966. 12. Правда. 1988. 21 окт. 13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1962—1966. 14. Урбан А. Зовем эту землю свсей. Размышления о репутации стиха // Новый мир. 1979. № 9. 15. Цветаева М. И. Избранные произведения. М.; Л., 1965. 16. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969.

Статья поступила в редколлегию 18.12.88

Л. А. Киселева, ст. преп.,
Киевский институт театрального искусства

Поэма «Погорельщина» в контексте образного мышления Н. А. Клюева

В 1987 г. июльская книжка «Нового мира» предоставила наконец читателю ту самую знаменитую поэму Николая Клюева, которая в 1929 г. была подарена им итальянскому слависту Этторе Логатто, в 1954-м опубликована в американском двухтомном собрании сочинений Клюева, а в 1979-м впервые в нашей стране стала объектом изучения в большой статье В. Г. Базанова «Поэма о древнем Выге» [7]. Характеризуя «Погорельщину» как поэму «прежде всего историческую и указывая на такие многообразные ее источники, как иконография Страшного суда, евангельские легенды, «Откровение Иоанна Богослова», «История Выговской пустыни» и, в первую очередь, фольклорное предание, В. Г. Базанов отмечал и наличие явной исторической параллели (названной им, правда, «наивным иносказанием»), и художественное богатство произведения, сложность сочетания в нем самых различных стилистических элементов. Словесм, читатель уже был подготовлен к восприятию «Погорельщины» как своеобразной авторской исповеди, воплощения творческих идеалов поэта, его итогового, наиболее значительного произведения.

Естественно, что долгожданная публикация этой поэмы стала событием. Автор предисловия и словаря-комментария (значительно расширяющего тот словарь, который был приложен к «Погорельщине» самим Клюевым) Н. И. Толстой справедливо указал на необходимость привлечения «широкого фона русской поэзии XX века» к анализу поэмы и отметил, что сравнение «Погорельщины» с другими произведениями Клюева позволит выявить множество мотивов, имеющих «общую линию развития» [5, с. 78]. Ясно, что даже пересказать содержание поэмы без воссоздания — хотя бы частичного! — ее подтекста невозможно. Комментарии Н. И. Толстого подчас спорны, и это тоже свидетельствует о необходимости обоснованного и углубленного исследования идейно-художественного смысла клюевского произведения. Кроме того, «Погорельщина» позволяет, на наш взгляд, определить мифопоэтическую основу образного